

Анна Агнич

Бюро находок

Я женщина. Очень и очень женщина — тайны и очарования во мне с ума сойти сколько. Впрочем, в других тетках тоже, если не скользнуть взглядом, а рассмотреть как следует. Ну, если уж совсем по правде, то и в мужчинах тайны ничуть не меньше, просто моду такую завели в нашей культуре — толковать о женской загадочности. Мужчины и женщины, они довольно-таки похожи, только мужчин жалче. Почему? Не знаю, а вот жалче — и все.

У меня четверо детей, два мальчика и две девочки: мальчики настоящие, девочки воображаемые. Старшему семнадцать, младшему пять, а двойняшкам-красавицам седьмой годок.

Мужей у меня двое. Тот, что настоящий — надежен, как скала, домосед и книголюб. Питался одним бы кофе без сахара, если б я ему позволила. Воображаемый, напротив, сибарит и жизнелюб. За каждой юбкой волочится, зараза этакая. Был бы настоящим, я его обратно не приняла бы после первой же. Впрочем, кто может знать, как оно было бы с настоящим? А с этого и вовсе взятки гладки. Кроме женщин он обожает полукилограммовые отбивные и жареную картошку в больших количествах. На днях, правда, объявил себя вегетарианцем, ну, посмотрим, долго ли продержится. Оба мужа отлично делают шашлыки, что удобно по праздникам — и настоящим, и воображаемым.

Работаю я в бюро находок. Служба ответственная, тонкая, к ней у меня с юности талант. А теперь и вовсе ошибок не делаю.

Приходит такая девочка, тощенькая, бледненькая, вся в черном, волосы фиолетовые с зелеными прядями. Фенечку потеряла. Я в компьютер заглядываю:

- Вот она, душенька, ваша фенечка!
- Что ж вы не спросили, какого цвета, из чего сплетена?
- А зачем? Фенечка-то ваша?
- Моя.
- Вот и берите.
- А вдруг я вас обману?
- А вы попробуйте. У вас, душенька моя, ничегошеньки не выйдет!

Приходит старушечка согнутая, из-за прилавка еле видна. Палочку забыла у овощной палатки. Хватилась, воротилась, а ее и след простыл. Смотрю в компьютер — нет, не приносили. Зато есть другой старушки палочка. Другая стару-

шечка-то уже год в кресле катается, ей без надобности. А палочка скучает, она ж как человек, ей тепла хочется и общения, и непременно чтоб полезной быть.

— Вот вам, сударыня, палочка.

— Извините, это не моя, у моей вот тут сучочек был и изгиб не тот.

— Я знаю, сударыня, но вы возьмите эту, она вам от хорошего человека достается.

Палочка, бедная, напряглась вся, боится — а ну не возьмут? Уговорила я старушку. Смотрю, палочка аж посветлела.

— Ну как, удобная палка?

— Ой, удобная! Пожалуй, не хуже моей будет.

Ушли старушка с палочкой, друг другу не нарадуются, а я еще раз в компьютер глянула, там все про всех написано, ежели искать умеючи. Палке-то этой двести лет, оказывается. И все ее старушки долго жили, хорошая палочка, заботливая, но только женская. Старичкам ее носить не следует — их она не понимает, для нее мужские болезни — темный лес.

После старушки я уже никого не ждала, заперла бюро находок и помчалась домой к двум мужьям и четырем детям. Первого мужа, Васю, я еще в юности выдумала. Воображаемый супруг — это сплошь праздник: ни быта, ни забот! Я, когда его сочинила, так уж думала, мне никто другой не нужен будет ни в жисть. А потом настоящего встретила... и все.

— Прости-прощай, Васенька, прости-прощай, не поминай лихом!

А он даже вроде обрадовался:

— О, — говорит, — буду путешествовать. Давно мечтал пошляться по Африке или Гренландии, мне ж билетов не надо покупать на самолет. Только ты обо мне думай почаще, чтобы я не истончился весь.

Ну что ж, человек я ответственный. Да и Васю жаль, он почти как живой. Завела я с тех пор один обычай. На чердаке у нас комнатка есть, окошком на запад, маленькая такая светелочка. Как солнцу время заходить, я там сижу себе, закатом люблюсь. Васю вспоминаю, чтобы он не истончился и не сошел на нет. Это мое время, никто в этот час меня не беспокоит — ни семья, ни гости. Из окошка далеко видать, закаты бывают феерические. Я их, почитай, восемнадцать лет фотографирую, в городской библиотеке моя постоянная выставка.

Вскорости после свадьбы родила я настоящему мужу сыночка, а вот второй ребеночек что-то никак. Первенец подрос немножко, я в бюро находок работать пошла, вроде и ладно все, и в доме мир, а грустно мне, спасу нет, особенно под утро. Плачу без причин, похудела... Я всегда хотела много детей, неужто жизнь втроем коротать?

А тут как раз Вася вернулся, настранствовался. Стали мы с ним закаты встречать. Ну, что сказать... Родила я ему двух девочек, близняшек-красоточек. С во-

ображаемыми детками никаких хлопот: ни пеленок, ни болезней — если у вас, конечно, воображение здоровое.

Года не прошло, второй настоящий сынок, мизинчик мой, родился. Так бывает: только усыновит бездетная пара ребеночка, тут же и свой рождается. Ну вот, живем мы большой семьей, я на них на всех не нарадуюсь... Правда, второй муж и мальчики не догадываются, как нас на самом деле много. Я уж думала, мою тайну никто из людей не знает, да оказалось иначе.

Тем летом выпал нам черед у себя устраивать ежегодное семейное сборище. Семья, чтоб не сглазить, большая, человек сорок, если с двоюродными. На лужайке возле дома палатки разбили, шум, гам, дети бегают! Чай в большой кастрюле кипячу — на такую ораву никакого чайника не хватит. Мои младшие со всеми детьми носятся, раскраснелись, и уж так им весело, так весело, особенно девочкам. Они же, бедняжечки, ни в школу, ни в садик не ходят, редко видят много детей. Настоящий муж над шашлыками колдует, воображаемый в кустах бродит, на женщин поглядывает. Весь в белом, шляпа набекрень, такой импозантный, прям куда! О, вижу, уже какая-то тетка его вдохновила. Сочинил он себе двух сиястых пастушек на качелях, вегетарианский шашлычок им подносит и ухмыляется. Ну, — думаю, — ну погоди, на закате в светелочке я тебе устрою!

В это самое время моя мама вышла на веранду с водой из-под сосисок в кастрюле. Прицелилась хорошенько, да горячую жирную воду на моего Васю и выплеснула. Я аж вскрикнула! Ему-то, конечно, ничего не сделалось, а вот костюм придется новый сочинять, да и шляпу тоже. Пастушки, на это дело глядя, так смеялись, что с качелей попадали в кусты. Барахтаются в кринолинах, вопят, бранятся, собаки подбежали, в кучу малу бросились, весело им — собаки воображаемых людей отлично видят. Меня разобрало, прям захлебываюсь смехом. А мама глянула так, что сразу смеяться расхотелось, и говорит:

— Идем, доча, покурим.

Я не курю, это у нас такая шутка. Пошли за дом, сели на бревна, мама ногу на ногу закинула, зажгла свою сигарету без фильтра. Я стою, понимаю уже, она моих воображаемых как-то углядела, но не знаю еще, чего от нее ждать. Мама моя человек особенный, непредсказуемый.

— Не дело это, доча. Нельзя так.

— А кому от этого плохо?

— Тебе. Им.

— Им-то чего?

— Ты своей головой подумай: у них же души есть, так? Им дальше идти, своей дорогой назначенной — то ли на небо, то ли в других людей воплощаться, кому куда положено. А они тут с тобою застряли ни в живых, ни в мертвых.

— Так что же мне теперь делать, мама? Взять их вот так и отпустить? Я же их люблю!

— Да, доча, взять и отпустить. Тем более, раз любишь. Да и тебе нехорошо двойную жизнь вести.

Вот от кого я проповеди не ожидала, так это от мамы. Она у нас человек широких взглядов, с бурной биографией. А все равно ничегошеньки не понимает в моей жизни, раз у нее язык повернулся назвать ее двойной. У меня аж слезы навернулись, только я не стала ей ничего говорить. Вспомнила, как мой старший кричит, что я в его жизни ничего не понимаю — и промолчала.

Ну вот, как солнцу заходить, поднялась я в светелочку, сели мы с Васей, посидели, погрустили. Я даже забыла ему за пастушек хвост накрутить. И закат в тот день не сфотографировала.

— Слышал? — говорю, — мама-то права. Что делать будем?

— Ну что... будем скучать по дочкам. Да ладно, вместе переживем как-нибудь.

— Тебя ведь тоже того... отпустить надо.

— Э, нет, голубушка, я еще тут покручусь! Вот ты помрешь в свое время, тогда уж я сам отпущусь. Автоматически.

— Ну, Вася, раз такое твое решение... Ты взрослый человек. Погоди, а где девочки? Что-то не слышать.

А их и нет уже. Быстро... даже проститься не успели. Я всю ночь проплакала и утром с мамой попрощаться не вышла. Спряталась в туалете, сказала, живот болит.

В воскресенье к полудню все разъехалась, тихо стало. Только во дворе бумажные стакашки ветром перекатывает. После праздника и так-то грустно, а я еще скучала по дочкам. Они, как мотыльки, тут и там мелькали, глаз радовали. Ну ладно, вообразаемые дети все же не настоящие. Привыкну.

На работу в понедельник не пошла — весь день убиралась. Зато во вторник побежала чем пораньше, только младшенького в садик забросила. Люблю я свою работу, хоть и бывает там у нас очень, очень грустно. Самая печальная комната — это, конечно, детская. В ней игрушки сидят, хозяев ждут. Кого не заберут, в детский дом отдам, там им будет хорошо, когда обвыкнутся. Я игрушки развлекаю, чем могу: на рояле играю, театр марионеток устраиваю, своих четверых играть привожу... Ой, нет, теперь уж не четверых.

Да ладно, что печалиться без толку. Взяла я себя в руки и отправилась в детскую. Игрушки меня обступили, спрашивают, за кем пришли, жалуются — у кого лапка на ниточке висит, у кого глаз не открывается. Я чиню, пришиваю. А они ластятся, под руки лезут, просят погладить по голове. Прямо душа заходится, так бы и заплакала, а нельзя — чуть слезы покажи, до неба вой поднимут, массовую истерику закатят. Так что я креплюсь. Зато когда хозяева за ними приходят, это такая радость, такая радость! А для тех, кто остался, — и радость, и горе. В такие дни мы с ними чай пьем из кукольной посуды. Я настоящему мужу звоню, пре-

дупреждаю, что задержусь на часок. Воображаемому звонить не надо, у нас уже двадцать лет телепатическая связь.

Вот так и живу: семьей и работой, такая моя обыкновенная счастливая жизнь.

Но иногда... Иногда мне снятся игрушки. Они обступают меня, карабкаются по ногам, дергают за подол — и пищат, и бубнят, и бормочут. Я закрываю уши руками, но все равно слышу их голоса:

— Ты уверена? Ты не спутала? Ты точно знаешь, какая твоя семья понарошку — а какая на самом деле?

Я уверена, не спутала, точно знаю. Но все же просыпаюсь в ужасе и не сплю до утра, боюсь опять увидеть этот сон. Набрасываю на лампу платок, чтобы мужа не будить, и читаю себе тихонько. На такой случай у меня всегда книга припасена, чтобы не думать. Потому что мало ли что может женщина нафантазировать, лежа без сна в темноте.

Анна Агнич (1952 – 2019). Закончила Киевский политехнический институт, работала инженером-электроником, программистом, бизнес-аналитиком. В 1989 году с семьей переехала в США. В 2013 году организовала литературный клуб «Бостонские чтения», где выступали авторы из разных городов США, Канады, Израиля, России, Украины, приезжали художники и фотографы, устраивали выставки. В 2017 году выпустила альманах поэзии «Бостонских чтений», куда вошли стихи 35 авторов клуба. Писала прозу, публиковалась в журналах, газетах и сборниках. В 2016 году вышел сборник рассказов «Девочка в окне». Лауреат премии журнала «Этажи» за 2018-й год в номинации «Лучшее прозаическое произведение года». С 2015 года начала собирать материал для книги о спасении нескольких еврейских семей в пещерах Западной Украины во время Холокоста. Понимая, что написать книгу не успеет, нашла в себе силы выступить перед бостонской аудиторией и рассказать эту историю.